

Воспоминания старого актера

БЛОКАДНОЕ
ПИРШЕСТВО

Вет. Москва, - 1989. - 29 дек.

Новый год, в каких бы условиях его ни встречать, все равно праздник. И если нельзя отметить его как следует, по традиции, то можно хотя бы пометчать...

В канун нового, 1942 года, 31 декабря всем творческим работникам Ленинградского Дома Красной Армии имени С. М. Кирова, в том числе и нашему фронтовому джаз-ансамблю, которым я руководил в творческом содружестве с Клавдией Ивановной Шульженко,

выдали по бутылке красного вина, правда, без всякой «добавки», а наши продовольственные запасы иссякли. Но зато в Большом зале ДКА нам показали заграничный фильм «На крыльях славы». Фильм был выбран как нельзя лучше — он рассказывал о спортивных соревнованиях, и герои его после соревнований поглощали несметное количество окороков, индеек, заливной рыбы, фруктов. Все это подносилось им на великолепных блюдах. На зажаренных ножках, дразня воображение (а в Ленинграде в эти месяцы норма хлеба была 125 граммов), сверкали кружевные бумажные розетки.

Фильм не прибавил нам веселья, а только больше разжег чувство голода. Печальные вернулись мы в свою квартиру-бомбоубежище (мы там находились до 43-го года), сели за пустой стол с бутылками вина посередине (а с нами были еще наш сын Гоша и отец Клавдии Ивановны), и все предались воспоминаниям о всех прошлых новогодних праздниках.

И тут вдруг раздался

энергичный стук в дверь, и в комнату ввалился веселый, красивый, сияющий улыбкой... Дед Мороз! Он предстал перед нами в облике нашего доброго друга, эстрадно-

сами и расспросами: откуда он, что делает, где раздобыл такое богатство?

— С Ладоги я, мои дорогие, с Ладоги. Это наше спасение. А я там с бригадой артистов. Мы называемся «АГИТВЗВОД». Пишу сценарии и монологи, выступаем перед всеми, кто обслуживает эту легендарную ледовую Ладожскую трассу, которую ленинградцы с любовью называли «Дорога жизни». Нас там много. И он

го драматурга и артиста Александра Олицкого. Кинув взгляд на нашу семейную мизансцену и на натюрморт нашего стола, он извлек из своего патронташа кулек с несколькими горстями белой муки, десяток картофелин и три головки чеснока. Мы ахнули, замерли и как замороженные смотрели на эту манну небесную. Первой, как и полагается хозяйке, опомнилась Клавдия Ивановна. С привычной украинской сноровкой замесила тесто, раскатала, сделала несколько лепешек, поджарила их на плите и отварила картошку.

И уже потом, немного придя в себя, мы обратились к Олицкому с вопро-

назвал многих театральных деятелей, в числе которых были Копелян, Стрельчик, критик Бродянский, танцевальный ансамбль Обранта, и многих других. Горячее это место — лед Ладоги.

Под мерное тиканье радиометрона, означавшее, что в небе все спокойно, под пластинку на патефоне «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали» мы наполнили рюмки красным вином и провозгласили тост за Победу!

**Владимир
КОРАЛЛИ.**

НА СНИМКЕ: рисунок художника А. Яр-Кравченко: Шульженко и Коралли. Ленинградский фронт, 1942 год.

156
209